

ИТОГИ И УРОКИ ЦЕЛИНЫ

А.А. Чибилёв, С.В. Левыкин, Е.А. Семенов
Институт степи УрО РАН, г. Оренбург, Россия

В 2004 году исполнилось 50 лет с начала освоения целины. Это был хороший повод, чтобы прояснить роль целинной эпопеи в жизни нашего государства. Еще 10–15 лет назад казалось: целина получила объективную оценку в обществе и можно с оптимизмом рассчитывать, что государство пойдет по пути исправления ошибок прошлого. Однако сегодня дела обстоят не совсем так. В большинстве юбилейных публикаций в центральных и региональных газетах преобладали выводы о том, что совершенный в 1954–1962 гг. подъем целины – единственное правильное решение. Удивительно, что и в XXI веке наши аграрные лидеры продолжают мыслить штампами, а не экономическими и экологическими категориями. Удивительно, что даже по прошествии пятидесяти лет мы не хотим официально признавать ошибок прошлого. А без признания этих ошибок на самом высоком уровне и их исправления у нашего сельского хозяйства не будет достойного будущего.

Следует вспомнить, что в период первой «стольпинской» целины в начале XX века, когда из центральных районов России и Украины в луговые степи Зауралья, Северного Казахстана и Южной Сибири на новые земли переселилось более 3,3 млн. человек, переселенческое управление организовало масштабные почвенные исследования. В бывших Самарской и Оренбургской губерниях этими работами руководил почвовед-докучаевец С.С. Неуструев, создавший со своими помощниками первые почвенные карты наших степей, на основе которых были освоены черноземные угодья, пригодные для земледелия. В 1918 году, выступая в г. Оренбурге на открытии Высшей вольной школы, Неуструев говорил: «Географическое разделение страны имеет в настоящее время огромное значение в практике. Жизнь требует учета естественных ресурсов. Не зная элементов хозяйства, нельзя хозяйствовать. Не зная характера ландшафта и его значения, нельзя согласовывать хозяйственные мероприятия с естественными условиями».

Научное наследие русских естествоиспытателей XIX–XX веков свидетельствует о том, что отечественная наука накануне второй – «хрущевской» – целины 1954–1963 годов была готова определить разумные пределы очередного вторжения человека в древнюю степную природу, верно служившую человечеству многие тысячелетия и определившую пути развития цивилизации в Северной Евразии.

Как известно, вопрос о масштабном освоении целины поднят на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 года. Этот вопрос рассмотрен авторитетной экспертной комиссией при участии ученых Академии наук СССР и Всесоюзной сельскохозяйственной академии. Многие эксперты высказали сомнения в целесообразности проведения подобной кампании. Первоначально, по согласованию с экспертами, было рекомендовано распахать 13 млн. га новых земель на огромном пространстве от Волги до Забайкалья, включая Северный Казахстан. На наш взгляд, это и был тот разумный, научно обоснованный предел распашки новых земель, который могла позволить себе страна, опираясь на рекомендации ученых-последователей В.В. Докучаева.

Но вернемся к ситуации со степями в России. Необходимо вспомнить, что кроме «стольпинской» и «хрущевской» целины, была еще мини-целина 30-х годов XX века, когда были распаханы Сальские степи в Ростовской области. Пыльные бури над Сальскими степями стали грозным предупреждением об опасности, грозящей неразумной распашкой новых целинных районов.

После войны сельское хозяйство европейской части страны находилось в упадке. К разрухе добавилась засуха 1947 года. Комплекс этих негативных процессов заставил руководство страны обратиться к трудам классиков российского степеведения и заняться экологическим обустройством европейской части степной зоны СССР.

20 октября 1948 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б), основываясь на опыте Института земледелия центрально-черноземной полосы им. В.В. Докучаева («Каменная степь»), принимают Постановление «О плане полезащитных лесных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Это и был известный «Сталинский план преобразования природы».

Работы по выполнению постановления развернулись с большим энтузиазмом с осени 1948 года. Однако созидательным планам экологической реставрации степной зоны не суждено было сбыться. При смене руководства страны весной 1953 года политика в области сельского хозяйства была полностью пересмотрена, травопольная система земледелия подвергнута критике, как не отвечающая хозяйственным интересам социализма, и запрещена. Весной 1953 года ликвидируются лесозащитные станции и другие научно-технические подразделения, занимающиеся лесо- и фитомелиорацией, а вскоре прекращен уход за уже высаженными лесными культурами. Но самое печальное, что новое руководство для подъема сельского хозяйства выбрало путь быстрой и массовой распашки целины в азиатской части СССР — последнем крупном земельном резерве страны.

Мартовский пленум 1954 года утвердил аграрную политику, ставшую роковой для степного ландшафта. Игнорируя рекомендации классиков степного природопользования и почвоведения, пренебрегая мировым опытом (именно в это время в США наиболее активно шел процесс экологической реставрации низкотравных прерий), страна начала невиданную в истории цивилизации распашку целинных степей.

На целое десятилетие целина стала центром экономической политики страны. Основными достижениями считались поднятые сверх плана и срока дополнительные гектары. Развернулась настоящая беспощадная охота за целиной, в результате чего за 1954–1963 годы удалось распашать все пахотно-пригодные в техническом плане земли в степной зоне. Площадь поднятой целины достигла 43 млн. га при первоначальном плане в 13 млн. га.

С практической и научной точек зрения, освоение восточной целины (учитывая ее природу) должно было сводиться к осторожному, выборочному освоению черноземных почв под зерновые культуры и каштановых — для развития мясного скотоводства. Но в процессе этой деятельности допущены стратегические ошибки и просчеты, главный из которых — сплошная распашка каштановых почв сухих степей на площади около 20 млн. га. Таким образом, мы полностью повторили горький опыт США начала XX века.

В результате осуществления целинного проекта степной ландшафт был полностью уничтожен и заменен на сельскохозяйственный со всеми вытекающими последствиями. Степной тип растительности на зональных полнопрофильных почвах стал самым редким в стране. Отдельные сохранившиеся популяции степных растений, некогда доминировавших на огромных пространствах, деградировали под влиянием перевыпаса (следствие хронической нехватки пастбищ). Во время целинной эпопеи не создано ни одного заповедника. Наоборот, уже существующие были закрыты, а их территория распашана. Были закрыты и распашаны также научные стационары Академии наук, на которых создавалась мировая экологическая и степеведческая наука.

Удаление степного травостоя и глубокая вспашка вызвали массовую дефляцию, от которой только в бывшем целинном крае к 1960 году пострадало более 9 млн. га вновь освоенных земель. Поистине планетарный характер имели пыльные бури середины 1960-х годов, пронесшиеся над степями СССР.

В 1970–1980-е годы под видом коренного улучшения земель было распашано под монокультуры еще несколько миллионов гектаров щебенчатых, солонцеватых и прочих не пригодных для нормального земледелия почв. Этот процесс продолжался вплоть до начала 1990-х годов.

Существовавшая на целине система земледелия являлась почвозатратной. По оценкам Института всемирного наблюдения (Лестер Браун, 1989), в 80-е годы прошлого столетия потери гумуса на пахотных землях СССР составляли 2,3 млрд. тонн в год. Только в Северном Казахстане исходные запасы гумуса составляли 4,3 млрд. т. Из них в целинной пашне безвозвратно утрачено за счет различных видов эрозии 1,2 млрд. т, или 28,3%. Применяемая система чистых паров на площади до 20% приводит к «сжиганию» гумуса. От так называемой биологической эрозии разложилось 0,7 млрд. т гумуса и выделилось при этом в атмосферу не менее 1 млрд. т углекислого газа. Таким образом, советская целина внесла свой весомый вклад в «парниковый эффект» планеты.

Сплошные массивы вспаханной почвы, имея темный цвет, сильно нагреваются и провоцируют засуху, которая при хроническом проявлении стала причиной аридизации всей степной зоны, вызвав значительное усыхание рек и озер, а следовательно, всего явления, которое сегодня принято называть глобальным опустыниванием.

Массовая распашка сказалась и на состоянии животного мира степной зоны. Были попорваны, а местами полностью уничтожены запасы ценных охотничье-промысловых видов животных. Преданием стала столь широко практиковавшаяся в прошлом увлекательная охота на степную дичь: дрофу, стрепета, серую куропатку, перепела, кречетку. Ареал сурка, некогда сплошной, распался на ряд изолированных популяций. Сайгак был оттеснен в полупустынную зону. В результате продолжительного культивирования монокультур природа потеряла способность к саморегуляции, вследствие чего сорняки и фитопатогенные вредители стали реальной угрозой для земледелия в целинных районах.

Вряд ли кто знает точно, какова реальная цена экономических издержек, позволивших получить легендарные целинные миллиарды пудов хлеба. Такие подсчеты советская статистика не вела. Об эффективности целинного зернового хозяйства можно судить по следующим средним показателям. Средняя урожайность на целине за период 1954–1958 гг. составила 7,3 ц/га, а за 1961–1965 гг. — 6,1 ц/га. Если учитывать то, что на 1 га высевалось 1–2 ц семенного зерна, то возникает вопрос: как можно окупить колоссальные затраты труда, получая чистыми от 4 до 6 ц зерна с 1 га?

Величина неучтенных издержек на производство «золотых миллиардов» определялась масштабами привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину прибывала огромная масса студентов. Вместо того, чтобы учиться, сотни тысяч молодых людей бесплатно целый месяц, а иногда и два, работали на ордена аграрных чиновников. В 1956 году в Казахстан со всех концов страны было стянуто около 12 000 комбайнов, 20 000 шоферов с техникой, десятки тысяч студентов. Кроме того, в целинные районы посылались десятки армейских батальонов, тысячи солдат срочной службы и воинов резерва. Число занятых на хлебной ниве целины России и Казахстана по разным оценкам составляло 1,5–2 млн. человек.

О какой экономической оправданности целинной эпопеи может идти речь, если уже в 1963 году в СССР начались массивные закупки зерна за рубежом? За 10 лет (1976–1985 гг.) было закуплено 308 млн. тонн зерна на сумму более 50 млрд. долларов. В 1985 году за счет импорта удовлетворялось почти 40% потребности страны в зерне. Параллельно с ростом закупок зерна страна стала усиленно, в ущерб своей природе, добывать и продавать за границу нефть. В 1960 году было продано 17,8 млн. тонн нефти, а закуплено 200 тысяч тонн зерна. В 1985 году продано 117 млн. тонн нефти, а закуплено 44,2 млн. тонн (по другим данным 50,0) зерна. Таким образом, советские нефтедоллары пошли на поддержку американских фермеров, а отечественная деревня оставалась и до сих пор остается нищей. При этом еще раз следует обратить внимание на двойной экологический удар по ландшафтам страны:

- во-первых, за счет уничтожения уникальных и ценных экосистем, замененных либо антропогенными пустынями, либо малопродуктивной пашей;
- во-вторых, за счет изъятия ценных сельхозугодий под нефтепромыслы с последующим загрязнением природной среды нефтепродуктами.

К отрицательным социально-экономическим последствиям следует отнести бедственное положение, в котором оказались зерновые хозяйства, созданные в зоне каштановых почв. Располагаясь в неблагоприятных для ведения богарного земледелия условиях, эти хозяйства имели низкую урожайность, часто не окупающую затраты на производство зерновых культур.

В 1981–1985 годы доля убыточных хозяйств составляла в Уральской области 78%, Семипалатинской — 68%, Целиноградской — 60%. Самое удивительное то, что в традиционно животноводческой степной зоне затраты на производство 100 рублей валовой продукции животноводства составляли 120 рублей.

Освоение новых земель происходило в зоне рискованного земледелия с суровыми климатическими условиями, а вместе с тем практически одновременно продолжался процесс запустения Центральной России — исторической житницы — из-за оттока на восток больших людских и материальных ресурсов.

Другой немаловажный моральный аспект освоения целины — это отсутствие у переселенцев естественно-исторических традиций степного природопользования. Уничтожение степного ланд-

шафта, истребление флоры и фауны поставили целинные регионы на грань экологической катастрофы. Так расправляться с природой может только чужеземец. За несколько десятилетий земледельческого освоения степная природа Заволжья, Урала и Казахстана деградировала сильнее, чем средняя полоса России за столетия существования здесь развитого сельского хозяйства.

Об эффективности советского целинного землепользования на «лучших в мире» черноземных почвах красноречиво говорят следующие сравнения.

В Голландии на почвах, отвоеванных у моря, 1 га пашни давал продукции на 8900 долларов США, в СССР — в 30 раз меньше. В Голландии 1 га пашни кормил 16,5 человека, в СССР — 1,2 человека. В то же время на обработке 1 га пашни в СССР было занято в 15–20 раз больше людей, чем в Голландии.

Несмотря на расхожие заявления, что целина накормила страну, в 1980 году руководство СССР было вынуждено принимать новую Продовольственную программу. И это при том, что СССР располагал 66% мировой площади черноземов, занимал 1 место в мире по площади сельхозугодий (603 млн. га в СССР, 431,5 — США, 78 — Канада), являясь абсолютным лидером по поголовью скота (в 10 раз больше, чем в Великобритании), имея 23 млн. человек, занятых в сельском хозяйстве (в США — 3 млн. человек).

В пятидесятые годы XX столетия Оренбургская область оказалась в центре пояса широко-масштабного освоения целинных и залежных земель. С 1954 по 1963 год на территории области было распахано 1,8 млн. га, что составляет 11% от общей площади целины, поднятой в России.

Условно целинными считаются 10 современных районов области из 35: Адамовский, Акбулакский, Светлинский, Ясененский, Домбаровский, Кваркенский, Новоорский, Первомайский, Гайский, Беляевский. В результате освоения целины на территории области произошло изменение структуры землепользования. Посевная площадь в целинных районах увеличилась в 3,5 раза, в том числе в Адамовском и Светлинском — в 5,5 раза.

Сверх первоначально намеченного плана в пашню было вовлечено свыше 700 тыс. га земель. Среди вновь распаханных угодий около 120 тыс. га составили песчаные и супесчаные земли, 600 тыс. га — солонцы. Около 500 тыс. га вновь распаханных угодий — эрозионно опасные земли. Распашка малопригодных для земледелия угодий в сочетании с низкой культурой зернопроизводства привела к резкому падению естественного плодородия почвенного покрова целинных районов. За 30 лет после начала освоения целины почвы потеряли от 30 до 50% запасов гумуса. Площадь земель, подверженных ветровой эрозии, возросла в 5 раз.

Освоение целинных и залежных земель вызвало волну миграций населения в районы нового земледелия. В первые годы целинного призыва в Оренбургскую область прибыло 70 тыс. переселенцев, преимущественно из Украины, Центральной России, Белоруссии. У большинства первоцелинников отсутствовали опыт и традиции степного земледелия. Особенно губительным для маломощных почв Оренбуржья был искусственный перенос опыта земледелия, например, из Полтавщины или Воронежской области, где плодородный слой черноземов достигает одного-полутора метров. Суровые климатические условия и непривычный степной ландшафт препятствовали закреплению переселенцев на новых землях. Серьезным этническим стрессом оказалось освоение целины и для коренного населения степи, занимавшегося пастбищным скотоводством. Экологическая ностальгия, неустойчивость экономического благополучия хозяйств привели к обратным миграционным процессам, частой сменяемости населения. С 1956 по 1995 год из целинных районов области выехало 280 тыс. жителей, что в 4 раза превышает численность первоцелинников.

На юбилейных торжествах в Оренбурге, посвященных 50-летию освоения целины, ведущие ученые-аграрии говорили о том, что целина позволила накормить страну. Но это только одна правда. Другая правда говорит о том, что целина оставила многие регионы без пастбищ, сенокосов, а страну — без мяса. Было уничтожено прекрасно приспособленное к степи животноводство Казахстана. Но и зерновая проблема не была решена, потому что увеличилась потребность в зерне на корм скоту из-за уничтожения естественных пастбищ и сенокосов.

На юбилейных торжествах чествовали героев целины. Безусловно, большинство из них получали заслуженные награды. Но нужно вспомнить и о тысячах других специалистов сельского хозяйства, которые из-за засух и неурожаев, грубых просчетов заказной науки, из-за большевистских методов руководства и, очень часто, из-за неграмотности функционеров не только остались без наград, но и погубили на целине свои судьбы.

Обо всем этом можно было бы сегодня не говорить. Потому что в 1994 году, в год 40-летия освоения целины, на представительных конференциях в Целинограде (ныне Астане), Барнауле, Оренбурге была дана объективная оценка итогов сельскохозяйственного эксперимента в степной зоне. Тогда же, 10 лет назад, были сформулированы основные принципы ликвидации негативных последствий освоения целины с использованием положительного опыта. Безусловно, земледелие должно вернуться на элитные почвы и никогда не выходить за пределы допустимой распашки. В масштабах СССР (России и Казахстана) можно было бы ограничиться распашкой 13 млн. га лучших земель. Это позволило бы:

- сэкономить огромные трудовые, материальные и финансовые ресурсы для восстановления народного хозяйства в Средней полосе России и на бывших оккупированных территориях;
- сохранить животноводство за счет естественных и улучшенных пастбищ и сенокосов;
- избежать увеличения потребностей страны в фуражном зерне и его закупок за рубежом;
- внедрять интенсивные технологии на лучших землях и получать на них стабильные урожаи;
- сохранить экологическую стабильность степных ландшафтов;
- сформировать в целинных районах устойчивое население с гармоничным сочетанием растениеводства и пастбищного скотоводства.

Конечно, читатель хотел бы увидеть в нашей статье конкретные предложения, четкие решения. Но ведь они давно известны. Это и программы по развитию мясного скотоводства. Это и планы мероприятий по переводу малопродуктивной пашни в пастбищно-сенокосные угодья. Это и селекция новых высококачественных сортов пшеницы и разведение высокопродуктивного скота степных пород, наиболее приспособленных к местным условиям. Это и возрождение табунного коневодства с элементами круглогодичного использования пастбищ. Это и опыт наших лучших сельхозпредприятий, нашедших компромисс между земледелием, природными условиями и рынком.

Совокупность экологических и социально-экономических последствий освоения целины показывает, что современная структура землепользования в этих районах нуждается в коренных изменениях. Суть этих изменений сводится к тому, что зерновое хозяйство с производством высококачественных сортов пшеницы должно быть сосредоточено на лучших почвах с применением эффективной агротехники и методов адаптивно-ландшафтного земледелия. Низкопродуктивные пахотные угодья целинных районов, где производство товарного зерна убыточно, должны быть переведены в сенокосно-пастбищные угодья. Это позволит создать в степных районах зону гармоничного сочетания щадящего земледелия и высокоэффективного скотоводства.

Хочется верить, что целенаправленные и согласованные действия общественности и государственных структур в деле оптимизации степного природопользования уже в обозримом будущем принесут свои позитивные плоды. Сельское хозяйство станет экологически более безопасным и рентабельным. И только тогда на целине сложится устойчивое население, учитывающее вековые традиции коренных народов, основанные на неистощительном природопользовании. Это население будет иметь свою культуру, традиции, общность экономической жизни, соответствующие вмещающему их степному ландшафту.